

— первая среди лучших —

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой
Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояз со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори «Всегда»
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!

Шекспир мне друг, но истина
дороже
Вселенский заговор
Вечное свидание
Ждите неожиданного
Селфи с судьбой
Земное притяжение
Призрак Канта
Звезды и Лисы
Девчонки, я приехал!

Сериал «Сценарии судьбы Тонечки Морозовой»

Серьга Артемиды
Пояс Ориона
Камея из Ватикана

Сериал «Писательница Маня Поливанова»

С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Судьба по книге перемен
Роковой подарок

ТАТЬЯНА
Устинова

Переплеты в жизни

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*

Иллюстрация на обложке *В. Лебедевой*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 **Переpleты в жизни : сборник рассказов / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.**

ISBN 978-5-04-190978-9

«Потерять, разломать, не уследить, сделать недовольное лицо, зачитать приговор гораздо проще, чем сохранить, уберечь, сделать счастливое лицо и добиться помилования! Несчастливым и нелюбимым вообще быть проще, чем счастливым и любимым, ибо любовь и счастье — большая работа!» Татьяна Устинова.

В сборник входят следующие произведения: «Тверская, 8», «Не оглядывающийся никогда», «Вечное свидание».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190978-9

© Устинова Т.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ТВЕРСКАЯ, 8

1

«У вас есть братья Карамазовы?»

«Достоевский в отделе русской классики, пойдите, я покажу».

«Да не нужен мне Достоевский, девушка! Мне нужны братья Карамазовы, ну... то есть их произведения! Что это вы в книжном работаете, а не знаете, ей-богу! Они фантастику писали!»

«Я поняла. Вам нужны Стругацкие, а не Карамазовы. Братья Стругацкие».

«Да какая разница!»

Диалог в книжном магазине «Москва».

Утро началось не слишком хорошо.

Она приставала, а он все отворачивался. И договориться никак не получалось. Уж и времени почти не осталось, уезжать давно пора, а дело все ни с места.

— Ну ладно, ну что ты сердишься?! Я каждый день уезжаю, мне на работу обязательно нужно! Ты же знаешь!

Сопение, и больше ничего.

— Да ладно тебе! Чем дольше мы тут с тобой будем разбираться, тем позже я приеду, ты это хоть понимаешь?! Я бы давно уже уехала, и приехала бы пораньше, и мы бы с тобой гулять пошли. В поле. Вчера в поле не получилось, потому что дождь шел, а сегодня точно мы пойдем, я тебе обещаю!

Сопение и некоторое движение спиной, по крайней мере, видно, что слушает, — уже прогресс.

— Ну, давай скорей мириться, и я поеду.

1991 ГОД

— Девчонки, танки!..

— Какие танки, что ты врешь!

— Да говорю тебе, танки на улице Горького! Прямо у нас под окнами! Не веришь, выйди и глянь сама!

Вмиг всех, кто курил на лестнице, где всегда почему-то был сквозняк, будто сдуло этим самым сквозняком, только каблуки зацокали по истертой каменной лестнице.

«Девчонки», от восемнадцати до пятидесяти пяти, сосредоточенно и перепуганно переглядываясь, устремились вниз.

Что такое? Неужели все-таки... Нет, про это и думать как-то страшно. Но неужели все-таки... переворот? Это значит... что? Это значит — гражданская война, что ли?! Вот тут, у нас, в Москве танки?!

В огромном торговом зале было пусто — время смутное, не до книг, хотя именно в этом магазине всегда с утра до ночи толпился народ, с самого пятьдесят восьмого года, когда накануне праздника Великой Октябрьской социалистической революции «москвичам и гостям столицы был преподнесен подарок».

Пятого ноября пятьдесят восьмого года открылся книжный магазин «Москва».

Тогда любили приурочивать все на свете то ко дню рождения вождя мирового пролетариата, то к очередной годовщине Октября, когда этот самый вождь, хитренько улыбаясь — именно таким хитреньким и добродушным балагуром его почему-то изображали в кино, — взял, да и поставил на дыбы огромную империю. Империя на дыбы поднималась с трудом, оглядывалась, огрызалась, закусывала удила, косила налитым кровью глазом, с трудом дышала — этот, хитренько улыбающийся, ничего не боялся и знай себе подстегивал, натравливал, интриговал, взывал, писал памфлеты, указывал пути развития, формулировал апрельские тезисы, то и дело ссылаясь на некоего Маркса с его теорией прибавочной стоимости. До Маркса, да и до прибавочной стоимости, империи с ее миллионами серых шинелей, крестьянами, куполами, Троицыным днем и дворянскими усадьбами не было никакого дела. Империя на дыбы поднималась тяжело, как будто предчувствовала страшное, почти невыносимое испытание, уже смутно рисовавшееся впереди в заревах по-

жаров гражданской войны, в грохоте расстрельных залпов, в столах свергаемых колоколов, в воплях детей и женщин.

Говорят, сам вождь, поначалу ничего не боявшийся и бодро призывавший захватить «почту, телефон и телеграф», замирился с немцами, удержать власть любой ценой, расшевелить, разбудить, расшатать устои, в тот момент, когда империя все же поднялась на дыбы, перепугался, да так, что решил было отыграть назад, да ничего не вышло, слишком поздно он спохватился!.. И ничего он не смог ни изменить, ни поправить и умер, говорят, в страшных мучениях, как и положено умирать злодеям, и вот теперь, спустя семь десятилетий, до чего дошло — до танков на московских улицах!..

Первой по лестнице скатилась товаровед Нина Иванушкина, навалилась на дверь, дергая кольцо кодового замка, который всегда почему-то заедало, и выскочила в торговый зал. Электричество горело тускло, и в помещении оказалось сумрачно, несмотря на то, что лето и середина дня. В магазине было странно тихо, и Нина прежде всего тренированным ухом расслышала эту тишину — никогда в торговом зале в середине дня не бывает тихо, если только магазин не закрыт!..

Непривычная тишина была только внутри, а снаружи, наоборот, доносился странный гул, как будто поезд метро, набирая скорость, мчался на станцию «Пушкинская» не под землей, а прямо по улице!

— Ну что там?

Нина оглянулась. Желтая канцелярская дверь с кодовым замком, ведущая в святая святых магазина, в подсобные и складские помещения, — а там материальные ценности, между прочим! — была распахнута настежь. Елена Семеновна, Клара Францевна, Лиза, Ирина Федоровна из бухгалтерии, выскочившие следом за ней, толпились на пяточке между прилавками, вытягивали шеи, как гусыни.

Марины среди них не было.

Нина оглянулась еще раз, чтобы удостовериться. Удостоверилась, что нет, и стала смотреть на улицу.

Покупатели тоже вытягивали шеи и медленно, как в кино, закрывали книги, которые листали, клали их на прилавки и шли к окнам — громадным полукруглым окнам-витринам, в которых к первому сентября обязательно вывешивали сделанные из картона и раскрашенные гуашью кленовые листья, а на Новый год расклеивали гигантские снежинки — очень красиво.

За полукруглыми окнами-витринами прямо по самой середине улицы, переименованной опять в Тверскую в прошлом году, деловито, страшно и шустро ползли танки.

Пятьдесят лет назад все газеты писали: «Сегодня гостеприимно распахнул свои двери новый книжный магазин на улице Горького. Символично, что дом книги получил прописку на улице, названной в честь великого пролетарского писате-

ля. Огромные отделы, большие светлые залы, широкие прилавки — все к услугам москвичей и гостей столицы. Первыми пришли поздравить новый дом книги столичные пионеры и школьники. Специально для них здесь открыт большой отдел детской литературы. Радуют глаз многочисленные корешки книг с именами любимых писателей — Горький, Островский, Гладков, Кочетов. Специально для гостей из братских социалистических стран есть книги классиков марксизма-ленинизма на болгарском, чешском, польском, венгерском языках».

А сегодня по улицам мимо магазина пошли танки — свои, и это самое страшное!

— Господи Иисусе, — пробормотала за спиной у Нины старенькая Клара Францевна, — это что же такое будет, а? Война, что ли!

— Какая война, типун вам на язык!

— А у меня мальчишка один дома, как бы его не понесло куда-нибудь. Надо ехать. Девочки, как вы думаете, поезда еще ходят?

— Какие поезда?..

— Метро, какие же еще!

— Да туда сейчас и не пройдешь небось, к метро-то! Я с утра шла, там всю митинговали, а сейчас, наверное...

— Он ведь у меня такой, он ведь родину пойдет защищать! Нет, мне надо ехать, прямо сейчас.

— От кого защищать-то?

— Что?

— От кого родину защищать? Тут поди разберись, где свои, где чужие, от кого защищать, а кого...

— Что тут происходит?

Нина оглянулась и увидела директрису. Она стояла в некотором отдалении, и вид у нее был не слишком приветливый.

— Марина! Марина Николаевна, танки!

— Я вижу. Почему дверь в подсобное помещение открыта, девушки? Танки танками, а материальные ценности никто не отменял. Во время инвентаризации недосчитаемся чего-нибудь, скажем — недоглядели, потому что на танки любовались?!

Ирина Федоровна из бухгалтерии пожала плечами и с мстительным видом захлопнула желтую канцелярскую дверь.

Марина, назначенная директором без году неделя, никому не нравилась и всех раздражала.

— Марина Николаевна, как вы думаете, война будет?

Тут повернулись все разом — и сотрудники, и покупатели — и уставились ей в лицо, как будто она знала нечто такое, чего не знает никто, и немедленно должна произнести речь, хотя того самого броневика, немало дел натворившего в истории, в торговом зале не наблюдалось!..

— Никакой войны не будет, — отчеканила Марина как ни в чем не бывало. — Ситуация в стране сложная, все об этом знают. Очевидно, танки вызвали, чтобы поддерживать порядок.

— А на Пушкинской сегодня с утра митинговали, не пройти было, — жалобно шмыгнув носом, сказала та самая сотрудница, у которой мальчишка был один дома. — А сейчас... что же? А если стрелять начнут?

— Не начнут, — так же уверенно сказала Марина, которая понятия не имела, начнут танки стрелять или нет.

— Мне домой надо, а поезда, может, уже не ходят...

— Если ваш дом не за Кремлевской стеной, вы прекрасно доедете, — уверила ее Марина.

— Как за стеной?.. Почему за Кремлевской?

— Потому что танки идут вниз, к Кремлю.

Все посмотрели — и вправду вниз.

— Марина Николавна, можно мне домой, а? У меня сын...

— Ни за что не отпустит, — шепнула Ирина Федоровна из бухгалтерии Нине Иванушкиной. — Что ей там какой-то сын! Ей главное план выполнить!.. Хоть тут революция, хоть боевые действия, хоть дети плачут!..

— Езжайте, — громко сказала директриса. — Всех остальных прошу не паниковать и не пугать наших покупателей. Что вам показать? — внезапно изменив тон, обратилась она к тишайшему старичку в длинном летнем пальто. Старичок давно порывался о чем-то спросить продавца и как будто не решался.

— «Историю государства Российского» Карамзина. У вас есть, деточка?

«Деточка» Марина уверенной рукой взяла старика под локоток и повлекла к дальнему прилавку.

— Все меняется, — бормотал себе под нос старичок, — все меняется, и только люди во все времена остаются одинаковыми! Люди, их стремления и амбиции. Вы не находите, деточка?

— Да-да, — рассеянно подтвердила Марина, прислушиваясь к гулу за окнами.

Чего-чего, а танков никто не ожидал. Может, и впрямь нужно спасаться? Распускать сотрудников, бежать по домам?.. Забаррикадировать окна и двери сваленными в кучу стульями и столами?.. Забить витрины фанерными щитами, как в войну?

И самое главное — что дальше? Как узнать?

Все получилось слишком быстро — Горбачев улетел в Форос, газеты писали нечто невразумительное, но тревожное, и с каждым днем это тревожное все нарастало, и каждый день казалось, что «вот-вот начнется», а что именно начнется, никто не знал. В воздухе, как будто перегретом истерическими выкриками газетных и телевизионных журналистов, носилось предчувствие чего-то страшного, непоправимого, но тем не менее необходимого, без чего дальнейшая жизнь уж точно невозможна.

Так жить нельзя, повторяли все, а как можно и должно — никто не знал.

В магазинах не было еды.

На заправках висели объявления «Бензина нет совсем», потому что растерянные мужики, проси-

тельно нагибаясь к окошечкам и услышав, что «бензина нет», неизменно спрашивали: «Совсем?!»

В программе «Время» объявили, что в Московской области хлеба осталось на три дня, а в Ленинградской на два.

Украины империи полыхали, и было совершенно очевидно, что вот-вот прорвется именно там, где тонко, что деловитый националистический огонь не сегодня завтра пережжет спайку, сделанную тем самым балагуром-вождем семь десятилетий назад. «Пятнадцать братских республик» в один день перестанут быть братскими, благополучный фасад треснет, и едкий отвратительный дым, именуемый «национальная рознь», повалит из всех трещин. Бывшие братья — впрочем, республики именовались и так, и сяк, и «сестрами» и «братьями», — начнут воевать друг с другом за все, что угодно: за кусок границы, через которую идут грузы, за газопровод, за ближайшую сопку — вдруг там золото или нефть?!

Все удельные князья, даже самые далекие и бедные, вдруг почувствовали себя императорами. Вдруг оказалось, что они «угнетенные», а «угнетатель» в одночасье ослаб, тхни — и развалится!.. Может, до конца и не развалится, но дырка точно будет. И оказалось, что тыкать можно, что за это никто не накажет, не даст по рукам, гигант едва держится на ногах, а из дырок хлещет кровь, и тело его, еще недавно казавшееся прочным, как чугунный монолит, с каждым днем все слабеет и все больше напоминает решето!..

Повсюду были угрюмые лица, горящие глаза, и все говорили — не только на кухнях и на работе, но и на митингах — только об одном: что дальше?

Никто не знал.

Голод? Революция? Гражданская война?

Митинги в последнее время стали таким же привычным и обыденным делом, как и очереди. Только на митинги бегали с гораздо большим энтузиазмом и рвением. Они проходили повсюду: на площадях, возле станций метро, в скверах и парках. Впрочем, очереди тоже напоминали митинги. Там волновались, шумели, выкрикивали лозунги, один нелепее другого. Деньги и в карманах, и в бюджете таяли, как сахар в чашке с чаем.

Книжный магазин «Москва», смотревший огромными окнами-витринами на улицу Горького, казался осколком «старого мира» — там все так же светили лампы дневного света, казавшиеся когда-то последним достижением дизайна, все так же поблескивали полированные темные прилавки, все так же было набрано золотыми буквами «Общественно-политический отдел», все так же пахло книжной пылью и слежавшейся бумагой. Даже синеватое, как прокисшее молоко, пятно на потолке, которое получилось, когда торговый зал залило кипятком из прорвавшейся трубы, казалось успокоительным и каким-то... своим.

Читателей, правда, стало маловато. Время такое, не до книг. Впрочем, и книг-то никаких не было. То, что читали раньше, во времена застоя, казалось до невозможности глупым и каким-то

«нежизненным», и было даже стыдно немного, что еще недавно пьеса про то, как на заводе делят премиальные, считалась верхом фрондерства и гражданского мужества.

Коричневый томик Булгакова, тиснутый в Минске на заре перестройки, разлетелся за считанные часы. В томике было всего два произведения — «Мастер и Маргарита» и «Белая гвардия», — и ошалевшие от счастья читатели хватали книгу, как хлеб. И, как в очереди за хлебом, пришлось установить порядок, давали по одной в руки. И все равно торговали только полдня, и книги кончились.

В издательствах не понимали, что происходит. Вроде бы все нынче должны работать «по-новому», а как именно, никто не знал.

Система рухнула. «Москнига», альфа и омега книжной торговли, огромная и всесильная организация, оказалась не у дел, и люди, годами учившиеся, как продавать книги, вдруг почувствовали себя ненужными и растерянными.

Никто никому ничего не мог объяснить.

Что значит работать «по-новому»? Печатать и продавать то, что на самом деле нужно и интересно народу, и это вовсе не книги пролетарского писателя Горького на языке братского болгарского народа?! Но поверить в то, что *на самом деле можно все*, до конца еще никто не мог.

Что, и Довлатова можно?! И Веничку Ерофеева?! А Шаламова?! Шаламова-то уж наверняка нельзя!.. И Аксенова нельзя, он в Биаррице живет!

Самое ужасное, что и спросить-то было не у кого!.. Идеологический отдел КПСС находился в коме, а сама идеология вроде как умерла со всем, и только грозный призрак ее нависал над издательствами, совершенно потерявшими в пыльных облаках исторического слома.

«Иностранка» попробовала напечатать Борхеса отдельной книжечкой, на сером газетном срыве, и прошло!.. Ну, тогда — господи, твоя воля, — Кастанеду, и тоже прошло!.. Тут выяснилось, что иностранцев нужно переводить, многих заново, ибо права на переводы принадлежат государству, а государство в одночасье стало ни при чем, и дело застопорилось.

Издательство «Новости», состоявшее при АПН, зажмурившись и гикнув «была — не была!» — выпустило Дика Френсиса, который раньше выходил только в правильно подобранных сборниках — сто пятьдесят страниц детектива румынского, сто пятьдесят страниц детектива польского, а в середине семьдесят про жокеев, лошадей, загородные дома и пятичасовой чай. Притихнув и заложив уши, издатели долго ждали разгона, и когда его не последовало, расхрабрились и бабахнули Тома Клэнси с его историями о бравых ребятах — церэшниках и их победах над коммунистическими режимами то ли Лаоса, то ли Вьетнама. Тома Клэнси раскупили моментально, но продолжать в том же духе не получалось, потому что полиграфкомбинаты и типографии стояли — не было бумаги, краски, картона, и то, что вчера стоило сто рублей, се-

годня продавалось уже за пятьсот, а завтра даже за тысячу!..

Книг почти не было, а те, что были, издатели норовили продать перекупщикам, лишь бы быстрее, лишь бы деньги не сожрала инфляция, какие уж тут книжные магазины!..

Страну шатало из стороны в сторону, как корабль во время шторма, и казалось, что вот-вот завалит окончательно, что вот этот крен она уж точно не переживет, захлебнется и пойдет ко дну, но медленно, с натугой и скрипом, она выравнивалась, только для того, чтобы завалиться на другой борт, с еще большим креном.

Всех колотило как в лихорадке, и только в книжном магазине «Москва» все так же горели лампы, сиял золотыми буквами «Общественно-политический отдел», и даже пятно на потолке казалось родным и привычным свидетельством прошлой «нормальной» жизни.

А магазин между тем тоже лихорадило, да еще как!..

Новая директриса, назначенная без году неделя, никому не нравилась — слишком молода, слишком требовательна, фамильярностей не терпит, не подступишься к ней!.. И хочет невозможного — чтобы план выполнялся, да еще в срок, а какой тут план, когда того и гляди все рухнет, покатится и не остановишь?! Деньги все считает — на западный манер, должно быть, — и понимать не хочет, что люди к этому непривычные, что все должно идти как заведено, что бухгалтер

на любом предприятии если не первый человек, то уж точно второй, от него ох как много зависит!.. А новая директриса только требует как одержимая, а про бухгалтерию однажды выразилась неприлично!..

«Сонное царство», вот как она выразилась про бухгалтерию!

— Надо уходить, — внушали друг другу в курилке на лестнице «девочки» от двадцати пяти до пятидесяти восьми лет, и со страху курили короткими нервными затяжками, и все оглядывались на темный провал короткого коридорчика. Там, в глубине, было логово львицы — кабинет новой директрисы. Туда вызывали «на ковер», там формулировали какие-то небывалые задачи, и все требовали, требовали!..

Нет, девчонки, надо уходить, так больше продолжаться не может!..

Только вот куда уходить-то?! Все рушится, рушится, да и работали здесь, в магазине «Москва», годами и десятилетиями и до тонкостей знали тот книжный мир, который был «до», и даже представить себе страшно, каким он будет «после»!..

И вот сегодня танки пошли мимо их магазина, и неизвестно, пускают ли еще в метро, и телевизор, кажется, больше не работает, а это может означать только одно — все, конец света! А директриса первым делом, конечно же, про материальные ценности вспомнила и открытую настежь дверь в служебные помещения, и сама за чудным покупателем, не вовремя возжелавшим «Историю

государства...», зачем-то взялась ухаживать, как будто ничего такого не происходит!..

— Света, — сказала директриса твердокаменным голосом, подводя старичка к прилавок, — Карамзин у нас точно должен быть. Покажите, пожалуйста.

Большеглазая, хрупкая и бледная Света как будто молилась, стиснув на груди худенькие ладошки. Когда подошла директриса, она, сделав над собой видимое усилие, оторвалась от танков за окном и прошептала с ужасом:

— Что будет? Что же это будет, Марина Николаевна?

— Все обойдется, — громко и уверенно сказала Марина. — Карамзина дайте, пожалуйста.

— Ка... Карамзина? — запнувшись, переспросила Света, словно первый раз в жизни услышав такую диковинную фамилию. — Марина Николаевна, но... танки же!

— Танки — это не наше дело, — отрезала Марина. — По крайней мере, пока мы еще на работе. Наше дело как раз Карамзин. Света, вы меня слышите?

Новая директриса практически с первого дня запомнила всех многочисленных сотрудников по именам, даже грузчиков, даже уборщиц!.. Как ей это удалось, так и осталось загадкой. Старенькая и душевная Татьяна Викентьевна, чье место заняла молодая и твердокаменная Марина, все время путалась, хотя проработала в магазине без малого двадцать пять лет!..

— Карамзин, — повторила Света, как зомби. — Поняла.

И с тоской оглядела полки, словно не в силах вспомнить, где именно стоит этот самый неизвестно кому понадобившийся Карамзин.

— Да, деточка, — прошелестел старичок, обращаясь к Марине, — нелегко, нелегко, а что поделаешь? Никогда история государства Российского не была простой и приятной, и это надо понимать. Но ничего, ничего, и на этот раз обойдется, я уверен!

Марина, которая почти не слушала, бегло ему улыбнулась.

— Я вот с шестьдесят первого года живу здесь, и книжный этот, можно сказать, мой родной, и дети мои тут выросли, и буквари здесь покупали, и учебники, и по подписке Достоевского получали, все, все было!..

— Вы живете в этом доме?

— Да, деточка, я же и говорю! Жена давно умерла, дети... дети что же? У них свои дети уже взрослые, забот полно, не до стариков, и это понятно!

— Вот, — с тоской сказала продавщица и плюнула на прилавок толстый томище. — Вот Карамзин! Марина Николаевна, что с нами будет, а?..

Марина оглянулась на сотрудников, которые так и не разошлись, только придвинулись ближе к окнам, за которыми все ползли и ползли танки, на немногочисленных покупателей и сказала очень решительно, на весь отдел:

— Магазин будет работать, как обычно. Ничего ужасного не происходит, по крайней мере здесь, у нас. Всеобщая мобилизация пока не объявлена, насколько я знаю. — Она еще раз окинула взглядом отдел и добавила погромче: — Но от окон все же лучше отойти!

Сотрудники, как перепуганные мыши, проворно побежали по своим местам, а старичок, листавший Карамзина, аккуратно закрыл книгу и проговорил тихонько:

— Шуйский являлся одним истинно великодушным в мятежной столице...

Марина посмотрела вопросительно. Она думала, что нужно бы собрание быстренько провести и всех, у кого дети, отпустить по домам, а тех, кто паникует, успокоить или, наоборот, приструнить.

— Что вы сказали?

— А это как раз вот... из Карамзина. Вам ведь, пожалуй, потруднее, чем нам, деточка. Вы за людей отвечаете и за книжный! Наш любимый книжный... — любовным взглядом он обвел глазами полки, застеснялся, вытащил огромный белоснежный носовой платок и деликатно высморкался.

— Вы Карамзина будете брать? — спросила Света. — Тогда в кассу...

— Нет, нет, — спохватился старичок, — благодарю вас! Конечно, у меня есть «История государства Российского», и даже в разных изданиях!.. Вы... простите великодушно, я ведь просто

так зашел. Привычное и постоянное всегда поддерживает, во всех жизненных коллизиях, а нынче без поддержки трудно.

Под вечер стало еще... труднее.

Нина и Лиза из отдела политической литературы бегали на Пушкинскую, но к метро было не пробраться, на площади шел митинг, волновалась многотысячная толпа, шумела угрожающе, и до «Известий» было не добраться, а именно там, в окнах, вывешивали самые свежие новости и можно было узнать, что происходит.

Танки стояли под окнами магазина, на броне сидели растерянные и в то же время любопытные мальчишки-танкисты, болтали ногами, и было непонятно, надо ли их бояться, этих мальчишек, или по-прежнему «Красная армия всех сильнее» и они... свои.

Впрочем, где свои, где чужие, было не разобрать.

На собрании Марина объявила, что магазин не закроется.

Ирина Федоровна, главный бухгалтер, фыркнула и повела плечом, и следом за ней фыркнули и повели плечами все остальные сотрудницы бухгалтерии.

— А зачем это нужно? — громко спросила Ирина Федоровна. — Чтобы нас тут всех танками передавили?

Марина помолчала. Противостояние с бухгалтерией началось с первого дня ее работы в магазине и нынче только обострилось.

— Если мы сами не будем под танки кидаться, — сказала она неторопливо, — никто нас не передавит.

Впрочем, она все понимала. Такой уж понятливой уродилась.

Людям трудно принимать и понимать новое, каким бы оно ни было, особенно в этой стране, где с молоком матери всасывалось сознание того, что все перемены к худшему. Иначе и быть не может!..

Если денежная реформа, значит, все останутся нищими.

Если новая конституция, значит, отнимут все права.

Если новый уголовный кодекс, значит, опять начнут сажать.

Марина прекрасно помнила, как ее ленинградская бабушка, собирая отца-военного в очередную командировку, все приговаривала: «Ничего, Коленька, ничего, лишь бы не война!»

Войны боялись больше всего даже те, кто, как Марина, родился спустя десятилетия после ее окончания. По сравнению с войной все несчастья, все неудобства, вся подлость жизни казались сущей ерундой.

И вот танки за окнами. Это что ж такое? Все-таки война?!

Вирус истерии, носившийся в воздухе, отравлял всех — и бухгалтерию тоже! Все сопротивлялись неизвестно чему, просто потому, что сопротивлялись, всем казалось, что задуманные новым директором перемены — к худшему, что нужно

спасаться самим и спасать старое и понятное, а не заводить ничего нового.

А Марина как раз собиралась «заводить»!..

— Мы будем работать, — твердо сказала Марина, — по крайней мере, пока есть такая возможность.

— А вы уверены, что такая возможность есть, Марина Николаевна? — язвительно спросила бухгалтерша, и все ее сотрудницы тут же скроили язвительные мины.

Марине, которая все замечала, стало смешно.

— Уверена.

Ни в чем она не была уверена, но знала совершенно точно — тот, кто стоит «у руля», не может быть растерянным и подавленным. Руль есть руль, это Марина усвоила еще со студенческих времен, когда лихо гоняла на «Яве». Мотоцикл у нее был старенький, заслуженный, и она его очень любила. Он научил ее простым правилам: всегда держаться за руль, всегда смотреть не только вперед, но и под колеса, никогда не снижать скорость — двухколесная машина держит равновесие только на скорости! — и сворачивать от препятствий куда угодно, только не на встречную полосу.

Выедешь на встречную, погибнешь. Собьют. А на своей мы еще посмотрим.

В данный момент Марина была на «своей полосе» — в своем магазине, среди своих сотрудников, среди своих книг!

Только беда в том, что здесь ее не считают своей!.. Она пришла извне, из всесильной «Москни-

ги», она была просто «чиновник», а это слово было ненавистным всегда, еще со времен Николая Михайловича Карамзина!..

— Вот вы, Марина Николаевна, на себя такую ответственность берете, — продолжала боевая Ирина Федоровна, чувствуя молчаливую поддержку всей бухгалтерской братии, впрочем, там работали сплошь «сестры», — магазин не закрываете, а у нас наличность, между прочим!.. Что будет, если инкассация не приедет? Выручку в сейфе оставим?

— А велика ли выручка? — осведомилась Марина.

Ирина Федоровна немного увяла.

— Да какая бы она ни была, есть правила...

— Сколько?

Сумма оказалась смехотворной, как и предполагала Марина. В стране революция, не до книг!.. Все, работавшие в магазине, прекрасно знали, сколько выручали раньше, до всех событий, и теперь смотрели на директора обиженно, будто заранее готовясь к упрекам, что так мало наторговали.

Марина не сказала ни слова.

— А если сюда ворвутся, что мы будем делать? На охрану надежды никакой нет, это не охрана, а полтора инвалида!.. И стрелять нам не из чего.

— Нам не придется стрелять, — Марина обвела глазами растерянных женщин, — это книжный магазин, а не склад оружия. Зачем к нам врываться? Пока нет никаких особых распоряжений, мы будем работать, а там посмотрим.

Она с детства любила книжки. Это были ее главные сокровища, даже не куклы и не машинки, которые она тоже очень любила. Однажды в школу приехал фотограф из «Пионерской правды», и все долго бегали, суетились, выискивали подходящих детей и подходящие планы — шуткали, главная детская газета страны!.. В конце концов, сфотографировали Марину — она читала что-то октябрятам из своей «звездочки». Так и осталась фотография, на которой она, маленькая, важная, в бантах и надетых по случаю прибытия фотографа белых колготках — дома был страшный скандал, она решительно отказывалась от бантов и колготок и ревела громко, басом, — читает толстую книгу с картинками!..

Она с детства любила книжки и была уверена, что там есть все, что нужно, и даже в эту минуту книжки ей помогли.

В конце концов, она точно знала — именно из книжки! — как поступил Черчилль, когда в Англии, измученной немецкими налетами, бомбежками и голодом, началась паника. Все ждали речи премьер-министра, готовились к ней, строили предположения — может быть, уже пора сдавать остров на милость победителей? Или, наоборот, премьер призовет всех сражаться до последней капли крови, и это будет означать, что враг вот-вот высадится в Лондоне? Или призовет потуже затянуть пояса, потому что еды с каждым днем становится все меньше, а изоляция все плотнее?

Черчилль не сделал ни того, ни другого, ни третьего.

Он произнес в парламенте речь, суть которой сводилась к тому, как именно должны блестеть пуговицы на мундирах королевских гвардейцев. Премьер подробно растолковал нации, уставшей, испуганной, замученной войной и ожиданием чего-то еще более страшного, свой взгляд на этот вопрос.

Нация, придя в себя от изумления, сообразила, что речь шла вовсе не о пуговицах.

Все не так страшно — вот что сказал премьер. Раз мы можем толковать про пуговицы, значит, жизнь еще не кончилась. Значит, несмотря на бомбежки, карточки и комендантский час, рано сдаваться! У нас еще есть время поговорить о пуговицах, а там посмотрим!

Говорят, даже Гитлер, тоже с нетерпением ожидавший речи британского премьера, прослушав про пуговицы, преисполнился к Черчиллю величайшим уважением.

Марина, хоть и не была Черчиллем, поступила точно так же.

— И вообще, — завершая собрание, сказала она, — нам предстоят большие перемены. У нас в потолке дыра, половина ламп не горит, а на складе, это все знают, стена в таком состоянии, что ее приходится доской подпирать, чтобы не упала. Впереди большой ремонт, и нужно подумать, как его провести без ущерба для магазина. Потому что закрываться на несколько месяцев мы не будем.

Сотрудники разом зашевелились, как в детской игре по команде «отомри». В слове «ремонт» было что-то привычное, знакомое, нестрашное — в общем, из той, прежней, нормальной жизни.

Ремонт хоть и хуже пожара, но точно лучше танков!..

— Какой ремонт? — заговорили все хором. — И как это, магазин не закрывать?

— А как же? Частями, что ли, делать?!

— Да тут никакой ремонт не поможет, дому сто лет в обед, проводка вся наружу висит, как еще пожара ни разу не было, удивительно!..

— А на складе не только стена, там подмокает с левой стороны! Может, и стена пошла, потому что труба сифонит!..

— У нас и сметы нет на ремонт, — выдала Ирина Федоровна громко. — А в обход, противозаконно я ничего делать не буду!..

— Никто ничего не будет делать противозаконно, — возразила Марина, на самом деле чувствуя себя Черчиллем.

Прием сработал безотказно. Все, кто еще пять минут назад собирался воевать и боялся танков, увлеченно обсуждали ремонт. Разумеется, идея никому не нравилась, разумеется, все были против, но так или иначе говорили... о будущем.

Приготовления к преждевременной героической кончине как-то сами собой были отложены.

Что и требовалось доказать.

Пока сотрудники шумели, выражая недоумение, неудовольствие и непонимание, Ирина Федо-

ровна переглядывалась с Еленой Семеновной, и ничего хорошего Марине их переглядывания не сулили.

А впрочем, черт с ними!.. Все равно никто не заставит ее отступить.

Все августовские дни магазин действительно работал, и девочки от двадцати пяти до пятидесяти восьми лет каждый день исправно являлись на службу, и дежурили возле окон, и утешали немногочисленных растерянных покупателей, и грели в ведрах чай, потому что мальчишки-танкисты, все-таки оказавшиеся своими, очень хотели есть. Дать поесть им было нечего, а насчет чая директриса распорядилась, выдавали его без ограничений.

Революция в стране постепенно затихала, и никто не знал, когда именно она разгорится снова. Вроде бы демократия победила, и вроде бы «здоровые силы» взяли верх, хотя все еще не было до конца определено, и достигнутое равновесие казалось слишком шатким.

Как раз когда внешняя революция приостановилась, в магазине случилась революция внутренняя.

В конце августа вся бухгалтерия в полном составе подала заявления об уходе. Решительная Ирина Федоровна, ни в чем не согласная с директрисой и ее «новым подходом», принесла заявление первой, а за ней потянулись все остальные.

В темном коридорчике, за желтой полированной дверцей, Марина подписывала заявления одно за другим, никого не уговаривая.

Все понимали — это конец.

Завтра магазин «Москва» придется закрыть, по крайней мере, до тех пор, пока не удастся уговорить Ирину Федоровну вернуться обратно — и подсчитать балансы, и свести дебет с кредитом, и дописать отчеты, и выдать зарплату, и сдать выручку, и принять инкассаторов.

А может быть, даже придется закрыть магазин сегодня!..

Все понимали — такой огромный книжный не может ни дня существовать без грамотной и опытной бухгалтерии.

Значит, все-таки есть силы страшнее танков и революций. И называются они — бухгалтерия?!

2

«Где у вас отдел русского фольклора?»

«А какое именно произведение вам нужно?»

«Вот как раз фольклорное и нужно, девушка!»

«Но какое именно? Сказки? Былины?»

«Не-ет, не сказки и не были, а песня!»

«Какая... песня?!»

«Так, сейчас посмотрю. Мне нужно фольклорное произведение «Песня о вещем Олеге»! Есть у вас?»

Диалог в книжном магазине «Москва».

— Марина Николавна, в час приедут из мэрии, привезут телевизионщиков.

— Зачем еще?

Помощница позволила себе улыбнуться.

— Они вчера звонили, довольно поздно, я не стала вам перезванивать. Сказали, что делают сюжет ко Дню города, а у нас... у нас образцовый книжный магазин! Ну, они и приедут его снимать.

— В час?! У нас в это время всегда народу много, как же они будут снимать? И так теснота страшная!

— Зато магазин образцовый! — Тут помощница засмеялась в голос. — Это они похвалили, а не я хвалюсь, Марина Николаевна!

— Хорошо, что не ты, Ритуля!

— А вечером и утром народу еще больше, так что лучше пусть днем придут.

— Хорошо, в час мэрия и телевизионщики, а дальше что?

— В три издательство «Слава».

— А кто приедет? Сам Слава Волин?

— Да, генеральный. Он не один, с ним еще человек из Совета Федерации. У них новая программа развития чтения в России, и они хотели бы ее с вами обсудить.

— Вот так с ходу — бах, и программа развития чтения в России?!

Помощница Рита выложила на стол перед Мариной две увесистые папки.

Марина покосилась на них с некоторым недоверием.

— В левой программа, которую разработали два года назад, но тогда она так и не пошла. А в правой новая, ее прислали от Волина. Я ее посмотрела,

и мне показалось, что она совершенно не отличается от той, которую вы представляли в РКС.

Марина была еще и вице-президентом Российского книжного союза.

— Так, — сказала она и открыла папку. — Это уже интересно.

— Да, Марина Николаевна. В три приедут из Медведкова, Надежда Георгиевна звонила. У них какие-то вопросы. Говорят, без вас не могут решить.

В Медведкове был огромный филиал, книжный магазин, которым Марина очень гордилась.

— А по телефону не могут?

— И по телефону не могут, обязательно лично.

— Лично так лично. А потом?

Тут Рита опять засмеялась.

— Потом у вас обед. Примерно минут пятнадцать, если только Надежда Георгиевна не засидится.

— Да ну тебя, Рита, — сказала Марина и тоже засмеялась. Они работали вместе много лет, понимали и ценили друг друга. — Какой еще обед?!

— В пять встреча с писателем Анатодем Гроссом. Звонил его издатель, очень просил, чтобы вы его лично встретили, Марина Николаевна! Сказал, что будет сегодня в течение дня звонить, видимо, хочет еще и сам просить! Вас соединить?

— Да, — помедлив, сказала Марина. — Да, конечно.

История с писателем Анатодем Гроссом — в прошлой жизни его звали Толя Грищенко — началась довольно давно.

Толя Грищенко, в девяностые годы начинавший как неплохой детективный автор, лет десять назад уехал в Америку и там окончательно понял, что настоящая жизнь есть только в России, а в Штатах все скучно, тускло, фальшиво и вообще простору мало. Из детективчиков он переквалифицировался в создателя эпических произведений, которые на Западе так и не пошли, несмотря даже на то, что псевдоним у Толи был весьма европейский, а европейские авторы — и псевдонимы! — в Штатах традиционно уважались. Из тусклой и фальшивой Америки Толя по непонятным соображениям все же уезжать решительно не желал и именно оттуда бомбардировал отчизну «нетленкой». Здесь его издавали и даже продавали, однако в авторы первой десятки он так и не вышел, и его это, по всей видимости, огорчало.

Марина помнила его разухабистым мужиком, любящим закусить холодную водку сальцем с лучком и черным хлебом и под это дело порассуждать о скорбных делах, творящихся в отчизне, о гибели литературы как таковой и писателей как писателей. Детективы при этом он строчил будто из пушки и очень обижался, когда маститые и увенчанные лаврами литераторы называли его произведения «мусором» и «чтением для метро и сортиров». Толя Грищенко, еще не будучи тогда Анатодем Гроссом, заводился с пол-оборота, кричал, что эти самые писатели так ничего стоящего и не создали, а все написанное ими нужно отправить на помойку — и история уже отправилась,

и именно туда! Наверное, если бы он продолжал строчить детективы, то прославился бы и вышел в авторы «первой десятки», чего ему очень хотелось, но Толю подкосила очень русская страсть — к мессианству. В конце концов, бедолага Толя уверился в том, что чтение для сортиров и метро действительно никому не нужно, и ударился в «высокое». Для начала он написал роман о гибели планеты — от экологической катастрофы, разумеется. Затем о том, что всех без исключения впереди ждет смерть — мысль не слишком новая и не слишком оригинальная. Про катастрофу еще кое-как прочитали, а про близость смерти почему-то решительно никто читать не захотел, и тогда Толя написал роман мистический. Сей роман на весь мир его тоже не прославил. Дело в том, что доморощенная мистика была никому не интересна, а другую, не доморощенную, голливудскую, Толя писать не умел, да и к тому времени она уже была написана — Стивеном Кингом и Динном Кунцем, которые, по определению, умели это делать лучше Толи. Тогда пришлось перейти на создание эпохальных и эпических полотен, что Толя и сделал.

Зато в Штатах ему удалось обзавестись свежей американской женой, недавно прибывшей в Новый Свет из Старого, то есть из города Киева. Американская, бывшая киевская, жена родила Толе малютку, что явилось для него некоторым образом потрясением — Толя к моменту отбытия за океан был не слишком молод, а к рождению

малютки уже решительно не молод, и заботы о благосостоянии семейства поглотили его целиком.

Благосостояние семьи в Америке полностью зависело от того, как продаются Толины книги в России, в том числе и в книжном магазине «Москва», где Толя собирался нынче общаться с поклонниками.

По причине давнего знакомства придется Марине Николаевне встречать Толю «лично», как выразилась помощница, а Марине не слишком этого хотелось.

Рита продекламировала расписание до конца. Марина почти не вслушивалась, потому что знала — если она что-то забудет или упустит, помощница непременно напомнит и непременно вовремя, и день покатился как снежный ком с горки, набирая обороты и обрастая непредвиденными обстоятельствами, срочными делами и вовсе не запланированными встречами.

Телевизионщики приехали, ясное дело, с многочасовым опозданием, как раз когда в магазин валом повалил народ и в тесных, уставленных книгами от пола до потолка залах стало совсем не протолкнуться.

Рита заглянула в кабинет, как раз когда Марина разговаривала по телефону с издателем Анатоля Гросса.

— Да ты пойми меня правильно, Андрей Андреевич, — очень убедительно говорила Марина, а Рита grimасничала в дверях. — Дело не в том,

что мы плохо относимся именно к твоему автору! Просто он, как бы это сказать... не наш автор. Он у нас почему-то всегда плохо продается!

Издатель, осведомленный о том, что Гросс продается плохо, тем не менее был абсолютно уверен, что Марина Леденева может продать кого угодно и в любых количествах и если не продает, то только потому, что ей неохота, настаивал на личной встрече, но делал это с осторожностью. Он точно знал, что на Леденеву нельзя давить. Все решения она всегда принимает сама и в соответствии со своими собственными взглядами на жизнь.

— Ну вот есть авторы, которые у нас не идут никогда, и Гросс как раз из тех, кто не идет!

— А кто у вас хорошо идет?

Марина улыбнулась ангельской улыбкой. Хорошо, что издатель ее не видел.

— Вот Памук хорошо идет. Паоло Коэльо. Хмелевская, из тех, кто полегче.

— Паму-ук, — протянул издатель, не уловивший никакой иронии, — так он же этот... как его... нобелевский лауреат!

— Вот именно, — согласилась Марина, — и тем не менее продается хорошо. Ты сам знаешь, нобелевских лауреатов никто, кроме Нобелевского комитета, как правило, не читает.

— Марина Николаевна, ты меня без ножа режешь! Ну что тебе стоит, прими ты нашего автора, хоть он и не Памук! А то ведь обидится, выйдет история с географией, ты этих творцов лучше меня знаешь!

— Ну, положим, я не знаю. Откуда мне знать, я просто книгами торгую!

Тут Андрей Андреевич кинулся льстить, славословить, рассказывать, какая она прекрасная, как отлично во всем разбирается, хоть бы и в психологии творцов, и она быстро его остановила. Лесть Марина никогда не любила.

Рита все маялась в дверях.

— Хорошо, Андрей. Я приму его, конечно, только народ от этого все равно не соберется, я тебе точно говорю!.. Если его утешит свидание со мной, я готова.

— Вот спасибо, Марина Николаевна! Вот спасибо! Я бы не стал к тебе приставать, но на самом деле вся надежда только на тебя, а без... — завел издатель, и Марина, прикрыв трубку ладонью, снизу вверх вопросительно кивнула Рите.

— Что?

— Они просят пару залов освободить от людей, — выдала Рита. Глаза у нее смеялись.

— Кто?!

— Телевидение. Им камеры негде ставить. Они говорят, что толпу уже сняли, и теперь им нужно полки и интервью с вами, а они не могут, потому что народу битком!

— Андрей Андреевич, прости, мне надо с телевизионщиками разобраться, — сказала Марина в трубку, — до свидания.

— Ну что? Закрываем, Марина Николаевна? — спросила Рита.

— Да они с ума сошли, что ли?! Как можно в разгар дня два зала закрыть?!

— Я и говорю, что не можем, но они и слушать ничего не хотят. Они же с телевидения!

— Ну да, — с неопределенной интонацией согласилась Марина, — пойдём, посмотрим?

По узким и тесным коридорчикам, переходящим один в другой — в магазине «Москва» вечно не хватало места, экономили на всем, и особенно на директорских «покоях», — Марина выбралась к тяжелой металлической двери в торговый зал и распахнула ее.

Шум, гул, голоса, сияние ламп, витрин, стеклянных стоек, подсвеченных изнутри, море людей, как будто колышущееся между сияющими берегами. Марина стояла выше — лестничка в несколько ступенек вела во внутренние помещения магазина, — и ей с возвышения хорошо были видны входные двери, в которые валил народ, и с этой стороны даже собралась небольшая очередь «на выход».

Никто не знал, как Марина любила эту самую толпу, втекающую в двери, как ценила, как радовалась каждый раз, что в ее любимый книжный идут люди, значит, все правильно, все хорошо, значит, усилия не пропадают даром!

Потеснив начальницу плечиком, Рита пробежала вперед, чтобы указать Марине дорогу. Телевизионщики были, ясное дело, в самом дальнем и людном зале, где продавались мемуары, беллетристика, детективы и новинки, и добраться до него, особенно в магазинный час пик, было делом непростым.

Возле настенного телефона, над которым висел яркий плакатик, призывающий «позвонить ди-

ректору», маялся старичок в вылезшем кроличьем треухе, хотя в магазине было тепло, и порыжевшем пальтеце, напомнивший Марине кого-то из давнего и далекого времени. Узловатой рукой он держал трубку, дул в нее, время от времени отрывал от уха и рассматривал тоскливо.

Ясное дело, Марина возле него притормозила.

— Здравствуйте, — сказала она старичку громко, и тот воззрился на нее с удивлением. — Вы хотели что-то сказать директору?

Старичок испуганно приосанился, как школьник, которого собираются отчитывать.

— И хочу, и скажу! Вот тут написано, — и он наставил на яркий плакатик очки с толстыми, как будто выпученными линзами, которые все время держал в руке, — позвоните директору! Я и звоню. Только почему-то ничего не слышно.

Эти телефоны и плакатики придумала Марина, чтобы поддерживать связь с покупателями. Каждый желающий, недовольный или, наоборот, ошарашенный, мог позвонить и оставить сообщение. С прослушивания сообщений она начинала каждый рабочий день.

— Не слышно? — переспросила Марина.

Рита, убежавшая далеко и вернувшаяся за начальницей, моментально сняла трубку и послушала.

— Все слышно, Марина Николаевна. Просто там автоответчик, — объяснила она старичку.

— Но вы можете мне все сказать прямо сейчас, — объявила Марина. — Я и есть директор.

Вокруг шумела толпа, люди протискивались мимо, обремененные фирменными зелеными пакетами, в которые здесь упаковывали книги.

— Голубчик! — вскричал старичок, снова неуловимо кого-то напомнив. — Вас звать Марина Николаевна Леденева?

Марина кивнула.

— Что вы хотите мне сказать?

Старичок суетливо стал совать во внутренний карман пальто свои очки с захватанными стеклами и все никак не мог попасть. Вид у него был еще более испуганный.

Марина ободряюще пожала узловатую и холодную, несмотря на магазинную жару, руку.

— Голубчик, — заговорил старичок и откашлялся, — я, собственно, хотел всего лишь выразить вам... благодарность, если мне позволено будет это сделать... Видите ли, мы живем в этом доме, собственно, долгие годы живем, и вдруг, так неожиданно... Видите ли, вокруг все изменилось, и продолжает меняться, и не всегда в лучшую сторону, иногда так трудно приходится... Вот казино под окнами у нас открыли, прямо в переулке, и мы с тех пор почти не спим...

Марина слушала, не перебивая. Казино, вернее стриптиз-клуб, в переулке открыли уже лет десять назад, и Марина даже некоторое время воевала с резвыми ребятами, держателями заведения.

Рита, которая переживала, что телевизионщики сейчас наделают дел в самом людном и тесном

зале, уже давно проявляла признаки нетерпения, а тут не выдержала.

— Я могу вас проводить в кабинет, и вы мне скажете все, что хотите сказать Марине Николаевне, а сейчас, простите, директор очень спешит.

— Нет, нет, зачем в кабинет, не нужно!.. — переполошился старичок. — Я, если мне будет позволено, просто хотел от всей души поблагодарить вас, голубчик! От себя и от Лели, Елены Самсоновны, супруги, и от всех нас!

Вот, ей-богу, Марина, всегда быстро соображавшая, никак не могла взять в толк, за что он ее благодарит. Кажется, старичок это понял. Он придвинулся поближе и понизил голос, словно сообщая некий секрет, не предназначенный для посторонних ушей:

— Мы все, все получили подарки! От вашего, то есть от нашего любимого магазина! Все ветераны и просто... — он искал слово и улыбнулся, — и просто старики. К годовщине Октябрьской революции. Мы понимаем, революция — это нынче не модно, но что делать, вся жизнь прошла, и оказалось, что даром!.. А мы... мы, что же... Нам трудно привыкнуть... — Тут он спохватился и вскричал негромко: — Так что спасибо вам, голубчик, громадное спасибо!..

Марина кивала и улыбалась и еще раз напоследок пожала холодную старческую руку, а потом, увлекаемая Ритой, оглянулась. Вылезшая кроличья шапка мелькнула и потерялась в толпе.

Эти подарки старикам, живущим в доме, где помещался книжный магазин «Москва», придумал Маринин муж, сама бы она не догадалась.

— Марьюшка, — однажды сказал он озабоченно, — надо бы нам как-нибудь праздник устроить, ну, просто для пенсионеров!.. Ведь есть такие, которые в этом доме пятьдесят лет живут!

Митя всегда был чем-нибудь или кем-нибудь озабочен — стариками, жильцами, дальними знакомыми, которым требовалось сложное лечение, бабусей, живущей на соседнем участке, или собакой Цезарем, которая с утра плохо ела и делала скучное лицо. Неизвестно, как ему это удавалось, но, в конце концов, все получали помощь — деньги находились, лекарство покупалось, бабуся обретала новый забор, а собака Цезарь непременно веселела.

Митя же и придумал, как поздравить... не обижая. Он собрал «заказы» — как когда-то, в советские времена, по которым старики так отчаянно и искренне ностальгировали. Самые настоящие, полновесные, «правильные» заказы! В картонной коробке были аккуратно уложены: твердая палка копченой колбасы, соблазнительная баночка красной икры, полголовы желтого сыра, увесистая пачка чая, плитка шоколада, растворимый кофе, бутылка шампанского, книжка из серии «Жизнь замечательных людей», календарь на следующий год и — в отдельном конвертике! — поздравительная открытка с кремлевскими башнями и звездами, а также купон на скидку в книжном магазине «Москва».

— Вот видишь, — хвастливо сказала Марина помощнице, гордясь мужем, — мы не догадались, а Матвей Евгеньевич догадался! И людям теперь приятно.

По ступенькам они перешли в следующий зал — магазин тянулся вдоль Тверской, смотрел на улицу огромными витринами, которые всегда внимательно и с любовью оформляли, и все залы «поднимались» вместе с улицей.

В зале было не протолкнуться, как на первомайской демонстрации в застойные времена. Станный пронзительный свет заливал книжные полки, и, только подойдя поближе, Марина поняла, что светит мощная лампа на длинной и тонкой черной ножке, которую, оберегая от толпы, придерживает худосочный и патлатый молодой человек, абсолютно телевизионного вида.

Телевизионные молодые люди решительно отличаются по виду от всех остальных молодых людей.

— Здравствуйте.

Парень дернул шеей, оглянулся на Марину и отвернулся, не найдя в ней ничего интересного.

Другой, с камерой на плече, стоял в некотором отдалении, а возле полок металась девушка с микрофоном. Людей, которые из-за давки не понимали, что происходит, теснил третий молодой человек, наступавший на толпу, широко раскинув руки. Покупатели покорно, но не без ропота, отступали. Общую картину под названием «вавилонское столпотворение» довершала небольшая низенькая трибунка, перегородившая примерно

треть узкого зала, так что приходилось обходить ее, чтобы попасть к дальним стеллажам. Трибуника была приготовлена для Анатоля Гросса и его встречи с читателями.

Рита протиснулась к мечущейся девушке и взяла ее за руку. Та остановилась и с видимым усилием сфокусировала взгляд на Марине и ее помощнице.

— Марина Николаевна, это Ольга, корреспондент. А это наш директор.

— Здравствуйте, — с разбегу начала девушка, тараща глаза, — нам нужно снять здесь и здесь, и еще там, где книги о Москве, это было бы просто отлично, но народу очень много, и оператору совершенно негде работать, и, наверное, придется проход закрыть, тут и еще вот там, а потом нам нужно будет синхрончик записать, а для этого придется выйти на улицу и встать возле дверей, там отлично и видно надпись «Москва». Вы встанете, я вам задам вопросы, вы ответите, а потом мы поговорим еще у вас в кабинете, а затем...

— Оль, чего еще снимать-то?! Полки я уж снял!..

Девушка, с тем же усилием оторвавшись теперь от Марины Николаевны, махнула рукой в сторону:

— Вот там еще снимите! Где новинки! И надпись снимите, что это новинки!

— Я туда не протолкнусь!

— Господа, посторонитесь, пожалуйста! Оператору совершенно негде работать!

Марина, начавшая было раздражаться, вдруг развеселилась.

Инструктор, с которым в юности она ходила в походы то на Приполярный Урал, то на Север, любил повторять, что если нет возможности изменить ситуацию, нужно изменить отношение к ней.

Марина это хорошо усвоила.

Ну, они молодые и неопытные, эти самые журналисты. Ну, приехали они совсем уж не вовремя. Ну, им кажется, что при виде камеры директор непременно упадет в обморок от счастья, выгонит людей, переставит стеллажи так, чтоб удобнее было снимать, вывеску перевесит, люстры поменяет местами, и все само собой получится, и материал выйдет «зашибись»!..

Девушка, махавшая руками на покупателей в некотором отдалении, подлетела и уставилась на Марину. Потом на лице у нее отразился ужас, и она стала тащить из кармана вчетверо сложенный листок бумаги.

— А... скажите, пожалуйста, — Ольга вытащила листок, скосила глаза, как в шпаргалку, видимо, ответа не нашла и перевернула на другую сторону, и тут воспрянула духом, — скажите, Галина Николаевна, можно будет на время этот зал закрыть, чтобы мы могли спокойно работать, а потом...

— Нет, — перебила директриса. — Все будет не так. Во-первых, вы должны запомнить, что меня зовут Марина Николаевна. Во-вторых, среди бела дня по непонятным причинам магазин закрыться не может, вы уж извините. Если хотите,

мы можем принести стремянку, вы ее поставите на возвышение, и ваш оператор снимет зал сверху. Здесь, — она показала на трибунку, приготовленную для Анатоля Гросса, — как раз свободно. Если у вас получится, можете побеседовать с покупателями, а потом вас проведут в кабинет, и мы спокойно там поговорим. Снимать на улице вряд ли имеет смысл, потому что уже темнеет, а пока вы будете переносить свою аппаратуру, стемнеет окончательно. И снег пошел. Видите?..

Девушка-корреспондентка только моргнула.

— Ну, вот и договорились, — весело заключила Марина, — значит, я вас жду в своем кабинете. Рит, проводишь, ладно?

Муж Митя называл ее «мастером простых решений», и Марина иногда не знала, хорошо это или плохо.

В данном случае совершенно точно — хорошо.

Она стала пробираться обратно, путь через все залы предстоял неблизкий, когда к ней протиснулся охранник.

— Марина Николавна, — озабоченно сказал он, наклоняясь к самому ее уху. — Задержали вора. Ну, того самого! Что делать? Полицию вызывать?..

1993 ГОД

С утра Марина заехала к маме. Думала, на пять минут, а оказалось, почти на час. Мама капризничала и вздыхала — с одной стороны, ей

очень хотелось в санаторий, куда Марина каждый год ее отправляла, а с другой — очень не хотелось собираться.

— Вот как бы так сделать, — говорила мама, усаживая Марину пить чай, — чтобы, с одной стороны, поехать, а с другой, чтобы кто-нибудь за меня собрался бы!

Марина, отлично понимавшая все эти заходы, помалкивала, прихлебывала из кружки. Собрать родительские чемоданы у нее не было ни времени, ни желания, да и чаю не слишком хотелось!.. Митя все повторял, что чай должен быть как поцелуй, «сладок, крепок и горяч», и научил ее заваривать «двойной с прицепом». Это означало, что кружку нужно налить доверху рубиновым, душистым, огненным чаем и положить в него ломтик лимона. Чай на родительской кухне не шел ни в какое сравнение с «двойным с прицепом», и Марина пила исключительно из вежливости.

Отчим в это время громогласно осведомлялся, как это так выходит, что путевка в такое хорошее и дорогое место по нынешним лихим временам стоит всего ничего, даже говорить смешно!..

Марина и тут помалкивала, пожимала плечами, а когда отчим уж очень наседал, говорила, что, должно быть, ездят мало, вот цены и падают.

— Да! — восклицал отчим. — Как же! Падают они!.. В магазинах, выходит дело, растут, а в санатории падают! С чего бы им падать?!

Марина опять пожимала плечами.

Врать она не любила, очень от вранья уставала, и ее отчаянно тянуло на работу — там все было ясно и понятно и нужно было каждую минуту отвечать за всех и ликвидировать какие-нибудь провалы. Магазин в катастрофическом состоянии, потолки текут — а сверху жилой дом! — проводка того гляди загорится, на складах стены трескаются и полки надо подпирать бревнами, а денег на ремонт как не было, так и нет. Начали было потихонечку, а надо бы не потихонечку, надо бы как следует взяться, можно ведь и опоздать! Упадет стена, придавит кого-нибудь, боже сохрани, вот тогда ищи виноватых! А никто и не виноват, в стране перестройка, ломка, черт знает что!..

Должно быть, слово «перестройка» она в задумчивости произнесла вслух, потому что отчим вдруг объявил громогласно:

— Да-с! Перестройка! На всякую перестройку смело клади вполовину больше против сметы. Прихотливые ломки да перестройки хоть кого разорят. Это кто сказал?

Марина не знала.

— Это сказал Владимир Иванович Даль, — с укором объяснил отчим. — Даже ты не знаешь! Все ведь только кажется, что новое, смелое прет, а ничего не прет, все уж было, вот и Владимир Иванович про это писал! Все у нас есть — и недра земные, и недра духовные, вон какое наследие получили от великой культуры, а мы хуже макак! И никак ведь его не выведешь из состояния макаки, человека-то! С одной стороны, человек силен,

грешен, страшен, кровожаден, опасен и зол. И в то же время — велик. Он губит, съедает, уничтожает, оскорбляет и... красив, умен, добр, благороден, милостив, храбр, предан делу, семье!.. Кто-то же должен выводить высокую породу человеков! Кто и как?

— Да ведь пробовали выводить-то, — тихонько сказала Марина. — А неподходящих всех в ров или в газовую камеру. Ты же воевал. Ты лучше меня знаешь!..

— Да ну тебя, — обиделся отчим, — я совсем про другое говорю, и не делай, пожалуйста, вид, что ты не понимаешь! Нужен закон? Вроде нужен. Только его все обходят, какой бы он ни был хороший да раззаконистый! Труд? Им тоже пренебрегают, и многие! Лишения, испытания? На них набивают суму мерзавцы, а от наказаний откупаются! Что такое?! Откуда такое несовершенство?! И чем дальше, тем оно хуже, несовершенство-то!..

Марине до ужаса жалко было отчима, мальчишкой ушедшего на войну и дошедшего до Восточной Пруссии, всю жизнь «отдававшего себя людям», над чем посмеивались в семье, и вдруг растерявшегося — не на войне, не в концлагере, а в мирной Москве конца двадцатого века.

Она приехала на работу, опоздав почти на час и в плохом настроении.

На работе, как выяснилось, с самого утра творились чудеса.

— Тебя кто только не искал, — озабоченно сказал Сергей Иванович, новый заместитель, кое-

как внедрившись в тесный кабинетик. — Оттуда звонили!

И он показал пальцем на потолок.

— Оттуда — это откуда? — спросила Марина, наспех просматривая бумаги. — Из квартиры номер пятьдесят?

— Почему из квартиры, — обиделся заместитель, — не из квартиры, а из Кремля. Комендант звонил.

Марина подняла глаза.

— Зачем?

— А кто знает? Они нам не доложили. Сказали, что директор срочно нужен, а с нами и говорить не пожелали.

Сергей Иванович был из военных и ну никак не мог взять в толк, как это вышло, что баба получила главнее его!.. Нет, он готов был слушаться и уважать ее, она баба непростая, деловая и хваткая, но вот так, чтоб из Кремля звонили, а ему даже не сказали, в чем дело, — это он отказывался понимать.

— А еще кто искал? Ты сказал — кто только не искал! Из Кремля, а еще откуда?

— Из приемной Морозова звонили. Ну, того самого!..

Так звали пресс-секретаря президента.

Марина знала его плохо, больше по телевизору видела, и иногда, на каких-нибудь расширенных заседаниях правительства, они издали сдержанно кивали друг другу.

...Что происходит?

Магазин закрывают? На месте книжного теперь будет казино? Или заправка? Или гастроном?.. Или военный склад?

От властей предержащих Марина старалась держаться на разумном отдалении, чиновпочитанием и низкопоклонством никогда не страдала, слишком много сил у нее уходило на то, чтобы и собственные интересы соблюсти, и достоинство сохранить, и в хороших отношениях остаться. Она как будто позволяла себе роскошь общаться не только и не столько с полезными и важными людьми, сколько с теми, кто на самом деле вызывал ее уважение и расположение.

Отчим, даже ничего не зная о ее делах, всегда любил в ней эту черту, а мама фыркала и называла «фрондеркой» и «юной пионеркой».

— Ниночка! — восклицал в таких случаях отчим. — Алмазная моя! Ты сама не знаешь, что говоришь! Пионэры и фрондеры — это из двух разных исторических романов! Ты просто перепутала!

Ему нравилось прикидываться всезнающим и давно живущим стариком на фоне двух легкомысленных «молодух» — Марины и собственной супруги.

Самое главное, любимый муж Матвей накануне уехал в Киев, и даже посоветоваться было не с кем. Сергей Иванович не в счет, он напуган и уязвлен и вряд ли сможет что-нибудь толковое посоветовать!..

— Я им сказал, конечно, что ты вот-вот будешь, — бубнил тем временем заместитель, —

а мне из приемной Морозова, уже когда второй раз звонили, говорят: что это она у вас так поздно на работу приходит? А я говорю, что...

— Марина Николаевна, — в дверь заглянула только что пришедшая на работу сотрудница с литературным именем Маргарита. Личико у нее было перепуганное. — К вам какие-то люди пришли, Толя не хотел пускать, а они...

Подвинув девчущку и глянув в сторону застывшего, как соляной столб, Сергея Ивановича, в кабинет вошли сразу несколько человек в одинаковых серых костюмах. Вид у них был внушительный и какой-то на редкость невеселый. Марина поднялась за своим канцелярским столом, заваленным бумагами, счетами за свет и за «площадь», сметами будущего ремонта, образцами литературной продукции в виде тоненьких брошюрок о сексе и о том, как закрывать на зиму огурцы, эти брошюры только-только стали выпускать едва народившиеся на свет коммерческие издательства, и стремительно подумала, что они пришли ее убивать.

Такие вещи в последнее время стали происходить то и дело. Пламенный и бледный, с горящими, страшными глазами Александр Невзоров рассказывал о них в программе «Журналистское расследование», которую смотрели, как некогда кинофильм «Семнадцать мгновений весны», исто-во, изо всех сил боясь и ожидая продолжения и назавтра обсуждая показанное.

Лозунг «грабь награбленное», придуманный несколько десятилетий назад балагуром-вождем,